

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР И РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Е.А. Найман, С.К. Гураль, В.М. Смокотин, М.А. Бовтенко

Аннотация. Рассматривается эволюция научных взглядов на сложные взаимоотношения языков и культур. Показывается необоснованность научных школ, отрицающих важную роль культуры в языковой коммуникации. Подчеркивается вклад отечественной науки в определении тесной, неразрывной связи языков и культур и недопустимости языкового обучения на основе исключительно языковых форм без должного внимания к культурным аспектам изучаемого языка. Указывается на необходимость изменения парадигмы языкового обучения в связи с приобретением английским языком в ходе глобализационных процессов статуса языка всемирного общения, в результате чего он не может более преподаваться исключительно как иностранный язык с присущей ему национальной культурной составляющей.

Ключевые слова: взаимоотношения языков и культур; языковое образование; этнические и национальные культуры; всемирная культура; язык всемирного общения.

Растущее признание значения языков и культур как части нематериального наследия человечества привело к широкому осознанию необходимости принятия мер по изучению, сохранению и поддержке исчезающих языков и культур и даже возрождению языков, считавшихся безвозвратно утерянными. Согласно данным третьего издания «Атласа языков мира, находящихся в опасности исчезновения» [1], в настоящее время в результате процессов глобализации в различной степени отмирания находится 2 471 язык, т.е. почти половина из сохранившихся. По данным того же издания, за время жизни последних трех поколений исчезли 200 языков, 538 – в критическом положении, серьезный риск угрожает 502 языкам, в опасном положении находится 651 язык, а 607 пребывают в состоянии неустойчивости.

Угроза утраты языкового и культурного наследия потребовала не только действий по документации, описанию и поддержке языков за счет проведения определенной языковой и культурной политики, но и вызвала беспрецедентный интерес к междисциплинарным исследованиям явлений языка и культуры, включая вопросы об их взаимоотношениях и роли этнокультурной идентификации.

Тесная связь языков и культур отмечалась учеными (философами, антропологами и социологами) еще задолго до возникновения глобализационных процессов информационного века, когда язык изучался в основном как чисто лингвистическое явление. Одним из первых лингви-

стов, обративших внимание на неразрывную связь языка и национальной культуры, был немецкий философ и языковед, основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт [2], заложивший основы неклассической парадигмы философии языка, в рамках которой философия языка конституируется в качестве самостоятельной сферы философской проблематики. Свои взгляды на язык как на деятельность, характер и структура которой выражают культуру и индивидуальность говорящих, он изложил в трактате «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» («Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts»), впервые опубликованном в 1836 г., уже после его смерти, в качестве введения к исследованию языка кави индонезийского острова Ява [2. С. 37–297].

Учение Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и отражении в языке индивидуального мирозерцания народа явилось результатом его длительных языковых исследований, начиная с изучения языка басков в Испании. Уже в своих первых работах в области зарождающейся науки о сравнительном языкознании Гумбольдт рассматривал язык как «средство формирования нации» на основе общности культуры, выражающей самобытную внутреннюю форму «духа народа» (Volksgeist). В статье «О сравнительном изучении языков применительно к различным этапам их развития», опубликованной в 1820 г., Гумбольдт делает вывод, что «языкам свойственно собственное мировоззрение» (Weltansichten) [2. С. 248–249].

Идеи о тесной взаимосвязи языков и культур, об отражении в языке «своеобразия национального духа» и о влиянии языка на мировоззрение в том виде, в котором они изложены в его самой известной работе «О различии строения человеческих языков...», повлияли на дальнейшее развитие языкознания и культурологии и не потеряли своего значения до сих пор. «Язык всеми тончайшими нитями своих корней сросся с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего, – пишет Гумбольдт в своем последнем труде, – язык не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [2. С. 45–48]. Язык, по мнению Гумбольдта, является частью национальной идентичности: «Вместе с родным языком мы воспринимаем как бы частичку нашей самости» [2. С. 68–69]. Соответственно, контакт с иными языками и культурами способствует взаимопониманию между народами, так как позволяет понять «образ мысли и мироощущение» людей, говорящих на других языках: «Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении

мира... поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества» [2. С. 68–69].

Понятие «народного духа», используемое Гумбольдтом в его теории о связи языков и духовного развития народов, впервые было использовано во французской философии эпохи Просвещения во второй половине XVIII в. при объяснении разницы национальных характеров. Наиболее влиятельной работой французских мыслителей этого периода, посвященной влиянию природных и исторических условий на формирование «духа народа», стал основной труд жизни философа права и истории Ш.Л. де Монтескье «О духе законов» («*De l'esprit des lois*»), опубликованный в 1748 г.

Наиболее важным причинным фактором, по мнению Монтескье, в формировании «общего национального духа нации» является климат, влияющий на становление национального характера. Среди других факторов, образующих вместе с климатическими условиями «сложную сеть взаимодействий и чувствительного баланса», определяющую «дух нации», Монтескье рассматривал законы, обычаи, правительство, религию и историю [3. С. 1–6]. Идеи Монтескье о «духе народа» нашли особенно широкий отклик в политически раздробленных германских государствах, где работа Ф.К. фон Мозера «О немецком национальном духе», написанная под влиянием Монтескье и опубликованная в 1765 г., вызвала обширную дискуссию о роли языка и культуры в становлении культурной идентичности германского народа [4. С. 225–246].

Дальнейшее развитие концепция «народного духа» получила в трудах немецких философов второй половины XVIII – начала XIX в. И.Г. Гердера и И.Г. Фихте, которые от просветительской цели объяснения причин многообразия индивидуальности народов постепенно пришли к понятию о своеобразии и творческой силе народного духа в качестве построения государства-нации. И.Г. Гердер был первым, кто систематизировал теорию о «народном духе», собрав в единое целое составные части данного понятия, и на этой основе представил нации как воплощения уникальных наборов культурных характеристик в противоположность попыткам определять нации политически. Вопросы происхождения и развития языков и культур занимали Гердера на протяжении всей его творческой деятельности и привели к написанию монументального и самого влиятельного труда по всеобщей истории культуры, «Идеи к философии истории человечества» («*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*»), который публиковался в течение 1784–1791 гг. Подчеркивая важность учета культурных и языковых особенностей народов, возникших на основе специфического физического окружения и исторического развития, Гердер заложил основы исследований этнокультурной идентичности. В трактате о происхождении языков («*Abhandlung über*

den Ursprung der Sprache»), опубликованном еще в 1772 г., он объясняет множественность человеческих языков естественным разделением групп людей, что приводит к возникновению различий в языках под влиянием природных и географических условий и особенностей исторического развития. «Язык (прежде, чем его словарный запас и грамматика начинают подвергаться регулированию), – пишет философ, – меняется с каждым новым миром и с каждым новым методом мышления». Гердер делает вывод, что «в каждом новом мире – новый язык, каждая нация имеет свой национальный язык... Язык становится Протеем (многоликим существом от имени древнегреческого бога, постоянно меняющего свой облик) на круглой поверхности земли» [5. С. 163].

Концепция Гердера о «народном духе», представленная в окончательном виде в работе «Идеи к философии истории человечества» [6], подчеркивала значение языка, культурных особенностей, истории, обычаев, физического окружения в формировании наций. Критикуя высшие классы германских государств за их увлечение французским языком и культурой и пренебрежение к языку и культуре простого народа, Гердер выражал уверенность в том, что настоящая культура должна исходить из исконно народных корней, из жизни простого народа, а не из космополитического манеризма аристократии. Здоровая цивилизация должна выражать дух народа, или национальный характер.

Идея Гердера о народном духе и взаимосвязи языка и культуры нации получила дальнейшее развитие в трудах И.Г. Фихте [7] – одного из виднейших представителей немецкой классической философии, который, в трудный для немецкого народа период французской оккупации германских государств, призывал народ к единству и сплочению на основе сохранения национального языка и культуры путем радикальных реформ в области воспитания и образования. Свои взгляды на важность языка в борьбе за сохранение культурной идентичности германского народа Фихте выразил наиболее ярко в серии из 14 обращений к германской нации («Reden an die deutsche Nation»), впервые опубликованной в 1808 г.

В четвертом обращении Фихте говорил о «неизмеримом влиянии» на «все человеческое развитие народа» характерных свойств его языка, «языка, который сопровождает человека в самые сокровенные глубины его души» во время мыслительной деятельности [7]. Развивая свой тезис о приоритете национального языка и национального характера в определении национальных границ, Фихте заявил в Речи 13, что «первые, исконные и истинно-естественные границы между государствами являются, без сомнения, их внутренние границы, определяемые на основе языков и культур. Говорящие на одном и том же языке связаны друг с другом самой природой множеством невидимых уз, способны достигать

ясного понимания между собой, и составляют неразрывное целое». Соответственно, делал вывод Фихте, германский народ является единым, он достаточно четко отделен от других народов общим языком и способом мышления [7].

Работы В. фон Гумбольдта и его предшественников, посвященные роли национальных языков и культур в формировании этнокультурной идентичности народов и отдельных личностей, послужили основой для широкомасштабных междисциплинарных исследований, начиная со второй половины XIX столетия и по настоящее время, и вызвали многочисленные споры о влиянии языка на национальное мировоззрение и когнитивную деятельность.

В конце XIX – начале XX в. одним из основных центров этнологических и этнографических исследований стали Соединенные Штаты в связи с большим интересом к языкам и культурам коренных народов Америки. Американский антрополог Ф. Боас [8] пересмотрел понятие культуры и включил в него языки в качестве одного из наиболее важных компонентов. В основополагающем труде «Ум первобытного человека», впервые опубликованном в 1911 г., Боас отмечал, что «описание культуры до сих пор, как правило, ограничивалось материальной культурой, социальными отношениями, искусством и религией, и частично этическими отношениями и рациональной деятельностью; язык редко включался в описание культуры» [8. С. 158].

Как часть антропологии лингвистика сформировалась в США как особая область знания – «лингвистическая антропология» (в европейской традиции – этнолингвистика). Ф. Боас был одним из первых ученых, выступавших против европейского культурного и лингвистического центризма и пренебрежительного отношения к языкам и культурам малых народов. Хотя сам Боас не высказывал мнения о безусловном влиянии языков и культур на мировоззрение и когнитивную деятельность и подчеркивал, что «такие факторы, как биология, язык, материальная и символическая культура автономны, являются важными измерениями человеческой природы и не сводимы друг к другу» [8. С. 144], дальнейшее развитие этнолингвистики в трудах его учеников Э. Сепира и Б. Уорфа связано с выдвиганием принципа лингвистической относительности – представлением о том, что «картина мира» человека зависит не столько от окружающей действительности, сколько от грамматической и лексической структуры его языка. Принцип лингвистической относительности был представлен позднее Э. Леннебергом и другими критиками взглядов Уорфа на тесную связь языков и культур как гипотеза Сепира – Уорфа с целью доказательства его несостоятельности в рамках исследований универсальной природы человеческих языков и познания в 60-х гг. XX в., инициированных концепцией генеративной трансформа-

тивной грамматики Н. Хомского. Леннеберг дал определение двух форм «гипотезы Сепира – Уорфа». Согласно первой, слабой форме, известной в литературе как «принцип лингвистической относительности», структурные различия между языковыми системами находят свое отражение в неязыковых когнитивных различиях людей, говорящих на этих языках. Согласно сильной форме гипотезы, получившей название «лингвистического детерминизма», структура любого языка сильно влияет на мировоззрение или полностью определяет его [9].

Целенаправленные практические исследования влияния языка и культуры на восприятие мира и мыслительную деятельность проводились учеником Сепира, Уорфом, который впервые предложил термин «принцип относительности» для описания воздействия языковых систем на мыслительные процессы и поведение людей. Согласно определению Уорфа, данному в статье «Наука и лингвистика» («Science and Linguistics») в 1940 г., принцип относительности состоит в том, что «все наблюдатели на основе тех же самых физических свидетельств не приходят к той же самой картине вселенной, если их языковые опыты не совпадают или не могут быть сверены каким-либо образом» [10. С. 214]. Уорф в своих работах постоянно подчеркивал неразрывную связь языка и культуры, определяя язык как «культурное явление» [10. С. 65], но, как и Сепир, он не поддерживал лингвистический детерминизм. В статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» Уорф писал: «Я отнюдь не утверждаю, что есть непосредственная прямая связь между культурой и языком» [10. С. 138–139].

Негативная атмосфера для исследований языкового и культурного разнообразия, а также тесной связи языков и культур, возникшая в США в 1950–1960-е гг., была результатом все возрастающей поддержки среди американских лингвистов нового «генеративного» направления в лингвистике, развиваемого Н. Хомским [11]. Взгляды Хомского на существование «внутренней структуры, общей для всех человеческих языков», были впервые опубликованы в 1957 г. в виде монографии «Синтаксические структуры», и произвели революцию в научном мире лингвистики. Хомский заявил о том, что все естественные языки являются врожденными, с присущей им внутренней синтаксической структурой, и что «грамматика автономна и не зависит от лексического значения» [11. С. 17].

Концепция «порождающей грамматики» Хомского основывалась на понятии внутреннего набора лингвистических принципов, разделяемых всеми говорящими, представляющего собой универсальную грамматику. Теория «универсальной грамматики», разъяснял Хомский в одной из своих лекций, «описывает определенную подсистему правил, которые обеспечивают основополагающую структуру любого языка и набор условий как формальных, так и субстантивных, которым должна

удовлетворять любая грамматика. Теория универсальной грамматики, таким образом, предоставляет план (a schema), которому должна соответствовать любая отдельная грамматика» [12. С. 57–88].

Концепция Хомского о существовании «универсальной грамматики», служащей основой для всех отдельных «местных грамматик», основывалась на существовании так называемых языковых, или лингвистических, универсалий (language, or linguistic universals), т.е. общих для всех языков свойств, например личных местоимений 1, 2 и 3-го лица.

Наибольший вклад в развитие теории лингвистических универсалий внес американский лингвист Дж. Гринберг [13], описавший 45 основных универсалий на материале около 30 языков мира. Идея генеративной (порождающей) грамматики Хомского исходила из возможности построения из конечного числа правил «универсальной грамматики» бесконечного количества предложений, необходимого в языковом общении с помощью рекурсии, заключающейся во вложении предложений в предложения. Концепция «универсальной грамматики» была использована Хомским для выдвижения гипотезы о существовании в человеческом мозгу в течение определенного критического периода после рождения специального органа, функционирующего как врожденный «механизм» усвоения языка (language acquisition device, LAD). Гипотеза о существовании органа освоения языка была изложена Хомским в его критической статье, посвященной книге Б.Ф. Скиннера «Вербальное поведение», в которой он выступал против бихевиористского подхода к освоению языков, основывающегося на приоритете двигательных, вербальных и эмоциональных реакций на воздействие окружающей среды и подражания над биологическим предрасположением, и понимании «вербального поведения» как поведения, усвоенного в процессе обучения [14. С. 26–58]. Хомский [15] также предложил модель усвоения родного языка с использованием «врожденного механизма», включая четыре стадии усвоения языка на основе сопоставления языковых данных на входе (input) и внутренней системы универсальных языковых структур.

Универсальная грамматика Хомского оказала настолько сильное влияние на современные ему лингвистические исследования, что некоторые ученые сравнивали ее с переворотом в науке. В обращении к Лингвистическому обществу Америки в 1964 г. его президент, американский лингвист Ч. Хокетт [16. С. 185], назвал книгу «Синтаксические структуры» Хомского «одним из четырех единственных крупных эпохальных открытий в современной лингвистике» наряду с «Cours de Linguistique Générale» («Курс общей лингвистики») Ф. де Соссюра 1916 г.

В течение нескольких десятилетий концепция Н. Хомского о врожденности «универсальной грамматики» как одной из «генетически определяемых интеллектуальных структур» стала доминантной теоре-

тической парадигмой и привела к возникновению на своей основе новых научных направлений.

Вместе с тем чрезмерное увлечение гипотезами Хомского об универсальной природе человеческих языков оказало отрицательное влияние на исследования в области языкового и культурного разнообразия. Среди лингвистов вошло в моду выражать критическое отношение к «гипотезе Сепира – Уорфа» и заявлять о полной необоснованности какой-либо связи между языками, культурами и мыслительной деятельностью. Главную задачу лингвистики, вслед за Хомским, многие видели в формальном описании универсальной грамматики, общей для всех языков и автономной от семантики и культуры. В интервью о связи языков и культур, данном в 1984 г., Хомский подчеркнул «универсальность генетической основы языка» и выразил мнение о том, что генетическая структура человеческого вида, единственного разумного вида на Земле, «включает ряд сложных абстрактных принципов лингвистической организации, которые в обязательном порядке сдерживают каждый язык и создают скорее основу для усвоения языка как способа организации опыта, чем создание чего-либо, усвоенного из опыта» [17. С. 98–99].

Теоретический и методологический беспорядок, в котором оказалась лингвистика в «эпоху Хомского» в результате пренебрежения к значению и невключения культуры в языковые исследования, подготовили почву к тому, что Т. Кун [18], автор «Структуры научных революций», называет сменой парадигмы пересмотр теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в научном сообществе в качестве образца решения задач. В книге «Современное положение в науке», вышедшей в 1968 г., Хокетт подверг критике теорию Хомского, включая полную автономию синтаксиса от семантики, и заявил о том, что не допустимо позволять превращение языка в «монолитный идеал, который существует в руках провидения или в мозгу каждого индивидуального говорящего» [19. С. 83].

Наиболее важным направлением в лингвистике, возникшим в 1970-х гг. в рамках смены парадигмы лингвистических изысканий в процессе включения в исследовательское поле семантики и культуры, стало направление, получившее название «когнитивная лингвистика». Основоположники нового направления, включая Дж. Лакоффа и Ч. Филлмора, прошли путь от последователей теории трансформативной грамматики к разработке иных подходов к описанию языков, основанных на признании необходимости изучения лексического значения, при котором основным объектом лингвистического анализа становились семантические структуры в их связях с языковыми формами. Становление когнитивной лингвистики и других новых направлений, отрицающих систему взглядов Н. Хомского в отношении языка, культуры и мыслительной

деятельности, происходило в атмосфере интенсивных академических дебатов, часто носивших язвительный характер и получивших название «лингвистические войны». Одним из наиболее важных предметов спора между сторонниками когнитивной лингвистики и Хомским и его последователями является взаимоотношение языков и культур. Отказ от идеи об универсальности грамматики Хомского означал признание того, что усвоение языка определяется не в результате действия «врожденного языкового механизма», а в процессе использования языка, что, следовательно, определяет чрезвычайное языковое и культурное разнообразие человечества. Развитие когнитивной лингвистики привело, таким образом, к растущей поддержке взглядов Сепира и Уорфа, выраженных в умеренной форме принципа лингвистической относительности. Одним из первых когнитивных лингвистов, признавших связь языков и культур и несостоятельность научных взглядов, отвергавших подход Уорфа, был Дж. Лакофф [20], который в своей наиболее известной работе «Женщины, огонь и опасные вещи: категории и ум», опубликованной в 1987 г., высказывал мнение о том, что, поскольку язык часто употребляется метафорически, и разные языки используют различные культурные метафоры, это, без сомнения, ведет к зависимости между языком, культурой и мышлением.

Борьба мнений в лингвистике относительно взаимосвязи языков, культур и мышления продолжается и по настоящее время, хотя число сторонников Хомского значительно сократилось, а влияние последователей когнитивных направлений в лингвистике, разработавших новую парадигму исследований лингвистической относительности, значительно возросло. Изучения в области лингвистической относительности в настоящее время сосредоточены на описании степени и вида взаимосвязи интерфейса между мыслью, языком и культурой; при этом для подтверждения своих выводов ученые используют экспериментальные данные.

Хотя в лингвистике конца XX – начала XXI в. имела место маргинализация системы взглядов, основанных на гипотезе универсальной грамматики Хомского, и основным направлением стала когнитивная лингвистика, рассматривающая культуру как важную часть языковых явлений, часть лингвистов продолжает придерживаться позиций, основанных на теории общности всех языков и их независимости от культур, как результат существования гипотетического внутреннего механизма в головном мозгу. Один из сторонников теории Хомского, С. Пинкер [21], заявил в книге «Языковой инстинкт», изданной в 1994 г., что все человеческие языки свидетельствуют о существовании универсальной грамматики. Пинкер выразил мнение о том, что способность к языковой деятельности является врожденной, и объяснил ее происхождение эволюцией в процессе адаптации человека к специфическим проблемам коммуникации

среди членов первых человеческих обществ охотников-собирателей. Соответственно, Пинкер отрицал влияние обучения на становление языка и влияние языка на возможный диапазон мышления, т.е. «гипотезу Сепира – Уорфа». Называя язык «инстинктом», Пинкер подчеркивал, что в отличие от таких понятий, как обработка металла или письменность, язык не является изобретением человека. Все народы имеют язык, хотя лишь некоторые человеческие культуры овладели этими технологиями.

Возрастающий интерес к научному наследию Б. Уорфа после нескольких десятилетий, в течение которых лингвистика развивалась в условиях парадигмы, исключавшей семантику и культуру из исследовательского поля, заставляет по-новому оценить вклад Сепира и Уорфа в понимание взаимоотношения языка и культуры. Уорф определял язык как культурное явление, рассматривая язык и культуру как «две неразделимые стороны одной монеты». Для Уорфа явление взаимодействия языка и культуры представляло своего рода известный парадокс «курицы и яйца»: «Что было первым: языковые формы (language patterns) или культурные нормы? В основном, они выросли вместе, постоянно влияя друг на друга», – писал он в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» [10. С. 156].

Взаимоотношения языка и культуры также привлекли значительное внимание в отечественной науке и рассматривались в качестве предмета изучения в трудах многих ученых, которые, ввиду многоаспектности феноменов языка и культуры, использовали исследовательские методы и подходы различных теоретических дисциплин. Основоположник направления этнолингвистики в российской науке о языке, академик Н.И. Толстой [22], признавал тесную, неразрывную связь языка и культуры, но в то же время подчеркивал сложность и неоднозначность их взаимоотношений. «Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части, – писал он в книге “Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике”, вышедшей в 1995 г. – Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» [22. С. 16].

Исследователь в области русской литературы и культуры, академик Д.С. Лихачёв [23], внесший неопределимый вклад в сохранение и развитие русской национальной культуры, неоднократно высказывался против рассмотрения языка в отрыве от культуры. Одним из последних трудов Лихачёва была «Декларация прав культуры», работа над которой

осуществлялась в 1995–1996 гг. Она стала своего рода научным и нравственным завещанием человечеству ученого, посвятившего свою жизнь духовному возрождению России [23. С. 387–397].

Представляя 1 сентября 1995 г. свой проект Декларации прав культуры общественности Петербурга, Лихачёв заявил, что современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. В проекте Декларации был впервые сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. Культура, как указывается в Декларации, представляет смысл и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и государств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла. Проект Декларации был поддержан ученым сообществом и общественностью Санкт-Петербурга. После доработки общественной комиссией под научным руководством Д.С. Лихачёва итоговый документ прошел апробацию, и был одобрен на различных российских общественных форумах. Когда по решению президента В.В. Путина 2006 г. был провозглашен годом академика Лихачёва, были созданы благоприятные условия для популяризации Декларации и ее дальнейшего продвижения и представления Генеральной Ассамблее ЮНЕСКО. С этой целью в ней были отражены положения в принятых ЮНЕСКО Декларации о культурном разнообразии (2003 г.) и Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005 г.).

Взгляды Д.С. Лихачёва на взаимоотношения языка и культуры явствуют из Статьи 1 Декларации, в которой, при определении понятия «культура», указывается на то, что язык как часть культурно-исторического наследия, необходимого для закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества, является частью культуры наряду с «идеалами, традициями, обычаями, обрядами... произведениями искусства... памятниками археологии, архитектуры, науки и искусства... уникальными ландшафтами, зонами и местностями археологического, исторического и научного значения... а также другими предметами и явлениями, обладающими историко-культурной ценностью» [23. С. 390–391]. Роль языка в сохранении этнокультурной идентичности отражена в Статье 4, которая гласит: «Культура каждого народа имеет право на сохранение своего языка как основного средства выражения и сохранения духовно-нравственного своеобразия нации, формы бытования национально-самосознания, как носителя культурных норм, ценностей, идеалов» [23. С. 392]. О роли национальных языков как носителей национального самосознания указывается также в Статье 11, а в Статье 13 об обязан-

ности государства как субъекта права в пункте д) читаем: «не допускать ущемления права граждан пользоваться своим языком, который является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого» [23. С. 395]. Статья 14 Декларации обязывает государства сохранять культуру и, соответственно, национальные языки как «основу духовной безопасности народа» и создавать условия, способствующие «спасению, сохранению и развитию культуры как духовной основы существования народа и предпосылки воплощения личностного потенциала каждого гражданина» [23. С. 395–396].

Д.С. Лихачёв, включая язык в качестве компонента культуры наряду со всеми другими «предметами и явлениями, обладающими историко-культурной ценностью», как составные части культурно-исторического наследия, признавал особую роль языка и учитывал неоднородность национальных культур, отражающуюся в различных формах проявления языковых явлений. В книге «Очерки по философии художественного творчества», изданной в 1996 г. во время работы над Декларацией прав культуры, Лихачёв писал о том, что язык «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [24. С. 28].

С точки зрения семиотики, научной дисциплины, изучающей различные знаковые системы, хранящие и передающие информацию, проблемы взаимоотношений языков и культур были освещены в трудах Ю.М. Лотмана [25], основателя московско-тартуской семиотической школы и автора универсальной семиотической теории и методологии. Используя в качестве объекта анализа семиотическое пространство («семиосферу»), внутри которой реализуются коммуникативные процессы и вырабатывается новая информация, Лотман пришел к выводу, что условием существования языка и культуры является необходимость другого человека, языка и культуры, так как пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, но только их совокупностью [25]. В книге «Культура и взрыв» Лотман указывает, что первым основным вопросом описания всякой семиотической системы является ее отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами. Язык как семиотическая система «создает свой мир. Возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, миру, существующему вне связи с языком, лежащему за его пределами» [25. С. 12]. Языковые различия, по мнению ученого, неизбежно ведут к проблеме перевода мира содержания системы на внележащую, запредельную для языка реальность.

Адекватность понимания внешнего мира не может быть достигнута на основе одного языка и культуры. «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой

является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир... Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир» [25. С. 13]. Выход из неспособности одного языка адекватно отразить мир Ю.М. Лотман видел в открытости культуры, которая помогает достичь «единой, конечной истины» путем обращения «к другим личностям, языкам и другим культурам». Способность культуры создавать «вторичную (т.е. более адекватную) реальность» достигается, по его мнению, на основе отношений между множественностью и единственностью, которые ученый причисляет к «основным, фундаментальным признакам культуры». Для обоснования невозможности правильной передачи реальности внешнего мира с помощью одного языка Лотман обратился к теории информации и сравнил использование одного языка с передачей информации по одному единственному каналу. «Конечно, мы можем рассматривать случаи, приближающиеся к относительной идентичности передающего и принимающего механизмов и, следовательно, к общению одного единственного канала. Однако это не генеральная модель, а частное пространство, выделяемое из “нормальной” полилингвальной модели» [25. С. 30].

Идея необходимости выхода за пределы своей культуры с целью преодоления замкнутости и однозначного понимания мира и своей культуры выражена также в трудах русского философа, литературоведа и теоретика культуры М.М. Бахтина [26]. В статье о состоянии литературоведения Бахтин высказывался о необходимости «диалогической встречи культур» для лучшего осмысления проблем, которые в пределах одной культуры могут остаться без ответа. По его мнению, идея немецкого философа и историка О. Шпенглера о культуре как замкнутом завершенном круге «нуждается в существенных коррективах». «Единство определенной культуры, – подчеркивал Бахтин, – это *открытое* единство» [26. С. 333]. Для понимания культур важным приемом является «*внезаходимость* понимающего – во времени, в пространстве, в культуре по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [26. С. 334]. «В области культуры *внезаходимость* – самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются,

каждая охраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [26. С. 334–335].

Признание диалогового характера культуры приводит Бахтина к осознанию необходимости обращения в понимании мира к другим культурам и языкам. Рассматривая понимание как диалог, он говорит о важности исследований вопросов, связанных с данным подходом в познании реальности: «Понимание как диалог. Мы подходим здесь к переднему краю философии языка и вообще гуманитарного знания» [26. С. 298].

Развитие лингвистического аспекта отечественной культурологии привело к росту исследовательского интереса к вопросам взаимоотношения и взаимодействия языков и культур, а также роли языка в становлении этнокультурной идентичности. Сложные взаимоотношения языка и культуры, с точки зрения культурологии и этнографии, определяются особенностями восприятия реального мира сознанием, на основе чего создается система представлений о мире.

Отмечая тесную взаимосвязь и взаимозависимость языка и мышления и анализируя их соотношение с культурой и действительностью, российский лингвист и культуролог С.Г. Тер-Минасова приходит к выводу, что **«язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него и одновременно формируют его» [27. С. 39]. Сложность и многоплановость в соотношении культурной (понятийной, концептуальной) и языковой картин мира находят свое отражение в различиях в преломлении действительности в языке и культуре. Уточняя взаимоотношения языка и культуры, С.Г. Тер-Минасова пишет: «По-видимому, все-таки правильнее говорить не о соотношении часть – целое, язык – часть культуры, а о взаимопроникновении, взаимосвязи и взаимодействии. Язык – часть культуры, но и культура – только часть языка. Значит, языковая картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать **образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности**» [27. С. 46].

С.Г. Тер-Минасова отмечает, что связь языка и культуры определяется тем, что между реальностью и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Воспринимая и осознавая мир, человек осмысливает результаты своего восприятия в процессе мышления и придает им вербальную форму. То, что между языком и реальностью стоит, таким образом, мышление, объясняет различия в выражении реальности разными языками. **«Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выраже-**

нию различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено коллективно (... всем тем, что ... определено словом “культура” в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира...), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [27. С. 39]. Обусловленность отражения мира национальной культурой, менталитетом и мировоззрением делает, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, известную метафору о языке как о зеркале, в котором отражается мир, не совсем точной. То, что национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой, объясняет зависимость языка от культуры. В свою очередь, язык оказывает несомненное влияние на культуру и мышление путем формирования в сознании картины мира, заданной ему родным языком. Говоря о воздействии языка на мировоззрение, ученый подчеркивает: «Язык навязывает человеку определенное видение мира» [27. С. 47]. Тесная взаимосвязь культурной и языковой картин мира объясняет также, согласно Тер-Минасовой, неудачи разных лингвистических школ оторвать язык от реальности и изучать язык на материале лишь чисто лингвистических форм и структур. «Необходимо принимать во внимание не только языковую **форму**, но и **содержание** – таков единственно возможный путь всестороннего исследования любого явления» [27. С. 46].

Связь языка и культуры осуществляется на основе репрезентативной функции языка. Предметность конкретной культуры для языка предстает в качестве референта, который обозначается языковым способом. Такую функцию языка можно назвать и этнокультурной. Наличие этнокультурной функции дает языку культурное содержание и обосновывает его в качестве одного из критериев этнокультурной идентичности.

Язык как основной специфический признак этноса занимает первое место среди национально-специфических компонентов культуры. Функции языка, имеющие непосредственное отношение к национальной культуре, заключаются в хранении культурных ценностей в формах письменной и устной речи, передаче сокровищ национальной культуры из поколения в поколение и формировании человека путем создания особого видения мира и менталитета. Подчеркивая важность языка в формировании этнокультурной идентичности, Тер-Минасова пишет: «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного сознания данного речевого коллектива» [27. С. 14].

Таким образом, тесная взаимосвязь языков и культур обуславливает важную роль, которую культура изучаемого языка играет в языковом образовании. Основной целью языкового обучения на всех уровнях яв-

ляется подготовка обучаемых к высоким требованиям, которые в век глобализации ставятся к уровню знаний, умений и навыков, необходимых для беспрепятственного преодоления межязыковых барьеров. Сбои в межязыковой коммуникации неизбежны при недостаточном овладении коммуникантами не только чисто лингвистическими средствами языка коммуникации, но и его культурными аспектами, находящими свое выражение в идиоматике. Беспрецедентный рост международных связей во всех областях жизни и деятельности современного общества привел к приобретению английским языком статуса языка всемирного общения, что требует пересмотра традиционных подходов к языковому обучению. Продолжающаяся практика преподавания одного из национальных языковых стандартов языка основана на рассмотрении английского языка как одного из иностранных языков и, в связи с экономическим, политическим и культурным доминированием США и Великобритании, ставит под угрозу этнокультурные идентичности народов мира.

В эпоху глобализации включение языка глобальной коммуникации – языка всемирного общения – в индивидуальный языковой репертуар является необходимостью при построении общества знания, что невозможно без воспитания многоязычной, поликультурной личности. При этом важной частью языкового обучения продолжает оставаться культура изучаемого языка, которая в случае языка всемирного общения является всемирной культурой.

Литература

1. *Moseley C.* The Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing. P. : UNESCO, 2009.
2. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. *Kra P.* The Concept of National Character in the 18th Century France // *Cromohs.* 2002. № 7. P. 1–6.
4. *Vazsonyi N.* Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the «National Spirit Debate» in Germany, 1765–1767 // *German Studies Review.* 1999. Vol. 22, № 2. P. 225–246.
5. *Herder J.G.* Treatise on the Origin of Languages // J.G. Herder. *Philosophical Writings.* Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
6. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.
7. *Fichte J.G.* Reden an die Deutsche Nation // *Spiegel Online Kultur, Nachrichten.* Retrieved. June 24, 2010.
8. *Boas F.* The Mind of Primitive Man. N. Y. : The MacMillan Company, 1938.
9. *Brown R.* Reference: In Memorial Tribute to Eric Lenneberg // *Cognition.* 1976. № 4. P. 125–153.
10. *Whorf B.L.* Language, Thought and Reality. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1956.
11. *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague. P. : Mouton, 1957.
12. *Chomsky N.* Language and Mind. The 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

13. *Greenberg J.H.* Universals of Languages. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1963.
14. *Chomsky N.* Review of B.F. Skinner's Verbal Behavior // *Language*. 1959. № 35. P. 26–58.
15. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1965.
16. *Hockett Ch.* Sound Change // *Language*. 1965. Vol. 41, № 2.
17. *Osiatynski W.* Contrasts: Soviet and American Thinkers Discuss the Future. N. Y. : MacMillan, 1984.
18. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1962.
19. *Hockett Ch.* The State of the Art. The Hague : Mouton, 1968.
20. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. Chicago : University of Chicago Press, 1987.
21. *Pinker S.* Language Instinct. L. : Penguin Books, 1994.
22. *Толстой Н.И.* Язык и культура // Н.И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и лингвистике. М., 1995.
23. *Лихачёв Д.С.* Декларация прав культуры // Д.С. Лихачёв. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006.
24. *Лихачёв Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Блиц, 1996.
25. *Лотман Ю.М.* Семиосфера (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992)). СПб. : Искусство-СПб, 2000.
26. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
27. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000.

INTERRELATIONS OF LANGUAGES AND CULTURES AND THE ROLE OF CULTURE IN LANGUAGE TEACHING AND LEARNING
 Nyman Ye.A., Gural S.K., Smokotin V.M., Bovtenko M.A.

Summary. The evolution of scientific views on complex interrelations of languages and cultures is considered. The fallacy of science schools rejecting an important role culture plays in language communication is shown. The contribution of Russia's science in determining close, unbroken bonds of language and culture and inadmissibility of language teaching and learning on the basis of exclusively linguistic forms without due attention to cultural aspects of the target language is emphasized. In connection with the English language acquiring the status of the language of global communication, a need for language teaching paradigm change is pointed out, as the result of which it can no longer be taught as the foreign language with its cultural component of one of the national standards of English.

Key words: interrelations of languages and cultures; language teaching and learning; ethnic and natural cultures; global culture; language of global communication.